

**ДАНИИЛ КАЛИНИН
СЕРГЕЙ ВОРОНИН**

**РОМОДАНОВСКИЙ ШЛЯХ
НАЧАЛО**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К17

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 86

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**Калинин, Даниил;
Воронин, Сергей**

К17 Ромодановский шлях. Начало: роман / Даниил Калинин, Сергей Воронин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-181788-6

1659 год... Пять лет идет война за Малороссию. Московские рати нанесли полякам множество поражений и освободили древнерусские земли, захваченные ляхами. Но после Хмельницкого гетманом стал Выговский, грезящий собственным «Русским княжеством». На изменника поворачивает царская рать, но Выговский присягнул не только полякам, но и крымскому хану... И когда князь Трубецкой встретил изменника у Конотопа, враг привел с собой всю крымскую орду!

В сече под Конотопом приняли свой первый бой рейтар Семён Орлов и сын боярский Пётр Бурмистров. Сеча под Конотопом разделила их жизнь на «до» и «после»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-181788-6

© Даниил Калинин, 2026
© Сергей Воронин, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

*28 июня 1659 года, окрестности города
Конотоп*

— Карабины готовы!

Семён кое-как отцепил собственное оружие от перевязи. С началом вражеской атаки время для него словно бы замедлилось, да и самому рейтару казалось, что он видит разгорающуюся битву будто со стороны, и что все происходит как бы и не с ним... Однако крик капрала, вторящего вслед за капитаном, привел рейтара в чувство, но одновременно с тем его охватил и ужас. Смертный ужас, а вовсе не какой-то рядовой страх! Руки онемели, пальцы дрожали и не слушались, и потому отцепить карабин от перевязи легким, привычным движением рейтар не смог. А сдвинуть лялдушку на грудь Орлов так и вовсе забыл!

— Целься...

Затяжной крик Гаврилова пронесся по всей цепочке рейтаров, повторяемый множеством капралов и офицеров. Поспешно взведя курок,

Семён как можно плотнее вдавил приклад карабина в плечо, направив дуло в сторону врага. Целился он по стволу и небольшому выступу-мушке, взяв чуть ниже груди стремительно приближающихся татарских лошадей. При выстреле ствол карабина обязательно задерет, и круглая пуля должна устремиться именно во вражеских всадников. Скачущих столь плотно, что нет никаких сомнений, пуля попадет в цель! Главное — правильно выбрать высоту прицела.

— Пали!

Семён послушно потянул спусковой крючок, стараясь сделать это простое действие без всякого рывка.

И отчаянно надеясь, что его выстрел не пропадет даром!

Утром того же дня

Рейтар четвертой роты Семён Орлов с присущей ему крестьянской старательностью и усердием правил тяжелый и крепко ржавый палаш. Семён неспешно работал точильным камнем, с видимым удовольствием возвращая грозную красоту лишь слегка изогнутому у рукояти клинку, заточенному с двух сторон. Непривычная для казаков и детей боярских форма оружия и стала причиной долгожданной покупки. Черкас из отряда Ивана Беспалого не стал ломить цену за давний трофей, взятый

с мертвого ляха уже больше года тому назад. Вozил в обозе про запас, а тут-то Семён и под-вернулся...

Рейтар ненадолго прервался, взвесив в правой руке клинок, поднял его над головой, подставив солнечным лучам, после чего сделал им пару пробных взмахов. Хорош! Тяжелый, но под руку молодого, крепкого парня, привычно-го к тяжелому труду на земле, — ведь самое оно. Пусть даже и гарда открыта, не защищает кисти... Все равно ведь не обучен Семён искусству боя на саблях — это детей боярских и дворян сызмальства учат правильно рубить ими, парировать, ставить блоки. Ну а заодно и всяким хитростям — как подцепить, к примеру, ногу противника обратной стороной елмани, возвращая саблю после неудачного рубящего удара. Или как легонько ударить по самой кисти, обезоруживая противника.

Семён же пока мог лишь издали наблюдать за тем, как упражняются на саблях старые рейтары полка или новики, поверстанные из беспоместных детей боярских. Но ведь и те, и другие смотрели на вчерашних чернососных крестьян с изрядным презрением — и разговаривали с ними через губу, словно с какими холопами.

Будто сами крестьяне, поверстанные в рейтарский полк барона Анца Георга Фанстробеля, рвались в солдаты! Для даточных людей воинская служба ведь пожизненна...

А все потому, что затянулась война, — ой как затянулась война, вроде и счастливо начавшаяся для русского войска в Малороссии! Но вот уже долгие пять лет здесь щедро льется русская кровь... Как, впрочем, и польская, и литовская, и казачья.

С черкасами вообще все непросто. Вроде и единоверцы, и братья по крови... А при царе Иоанне Грозном первый атаман запорожских казаков Байда (князь Дмитрий Вишневецкий) так и вовсе перешел на службу к московскому государю со всей Сечью! И честно воевал против турок да татар. Но после казни Байды в Стамбуле ляхи сумели разделить черкасов, казаков натравили на московские владения, и те сожгли Стародуб. Тут-то и началось... Ляхи всеми силами притесняли черкасов в мирное время — ввели церковную унию, приняли крошечный реестр, стараясь прочих казаков обратить в холопы, запрещали им ходить на турок да татар. Но если вдруг какая война с Москвой или с турками — и тут же ляхи с казаками заигрывают, казакам обещают, казакам что-то жалуют... Кончилась война — и все обещания забываются, а малороссов притесняют с новой силой.

Не один и не два раза последние поднимали восстания, что ляхи неизменно подавляли силой оружия либо хитростью да предательством, выманивая казацких вожakov на переговоры, а уж там... В пытках да различных казнях

ляхи большие умельцы! Но очередное восстание ни силой оружия, ни предательством подавить не удалось — поднял его славный гетман Богдан Хмельницкий, много раз громивший ляхов в честном бою! Правда, пока побеждал, гетман и не думал идти под руку московского царя, а вот когда припекло...

Впрочем, много ли о том знал сам Семён Орлов, бывший крестьянин рязанский да новоиспеченный рейтар? О притеснениях малороссов слышать ему доводилось, но ведь те черкасы, кому совсем неведомо приходилось, могли же уйти на Слобожанщину! Да, московские государи выделяли им земли за пределами Белгородской засечной черты — зато не закрепощали, и вообще не облагали никакими налогами. Более того, казакам разрешалось винокурение, им сохранялось самоуправление, да и оружие никто не отнимал! Наоборот, помогали черкасам, в том числе отстроить новые крепости вроде Харькова, Сумы, Суджи, Ахтырки... А что черкасы на Слобожанщине первыми встречали набеги крымских да ногайских татар? Так они хотя бы опирались на Белгородскую линию и могли получить помощь русских гарнизонов. В Малороссии же казакам ляхи вообще не помогали — разве что татары налетали на самих панов...

Зато на Рязанской земле, откуда родом Семён, черкасов хорошо помнят по зверствам лисовчиков, не оставлявших в живых ни млада, ни

старика! Да по разорению рязанщины казаками гетмана Сагайдачного, шедшего на Москву от порубежного Ельца.

К слову сказать, отец Семёна как-то упоминал, что в Ельце могла жить их дальняя родня. Но уж очень дальняя — предки, то ли мещерские, то ли рязанские казаки, у них были общие. А вот дальше пути разошлись — кто-то ушел казаковать на вольный Дон, другие выбились в детей боярских. Ну а третьих, оставшихся на родной земле, объявили крестьянами, пусть и черносоченными, то есть лично свободными и со своей землей. Однако личная свобода предполагает и повинности, вроде даточной.

Служба в государевом войске — она ведь пожизненная! Да и потом — ну, сколько жизни отмерено простому мужику, коли брань с ляхами длится вот уже пятый год? Ведь не от хорошей же жизни вчерашних крестьян верстают в солдаты, включая и славные рейтарские полки! Значит, или потери даже среди хорошо защищенных прочным доспехом конных рейтар столь велики, что их невозможно закрыть за счет дворян и детей боярских... Или же столь тяжела эта война, что число рейтарских полков пришлось очень спешно увеличивать.

А что самое поганое — двоякость черкасов, изменчивость их натуры в полной мере проявили себя в новой войне с панами. Ведь когда государь Алексей Михайлович внял моль-

бам Хмельницкого и взял Малую Русь под свою руку, царю присягнули «всей землей»! Но стоило умереть славному гетману, как тотчас случился среди казаков раскол. Гетманскую булаву хитростью перехватил Иван Выговский, некогда и сам сражавшийся на стороне ляхов против черкасов. И если правобережные казачьи полковники нового гетмана приняли, то в Полтаве против него поднялись запорожцы и местные казаки. Гетман подавил восстание с помощью крымских татар, оплатив помощь поганых живым товаром: людоловы-крымчаки увели тысячи детей и женщин за Перекоп, разграбив все на своем пути...

После Выговский изменил царю в открытую, переметнувшись на сторону ляхов, да еще и присягнул крымскому хану для верности! И уже с помощью извечных ворогов Московского царства ударил по русским гарнизонам, осадил Киев. Злая насмешка — новоиспеченный гетман все же пытался как-то укрепить позиции казаков и малороссов в Речи Посполитой. И помимо королевства Польского и княжества Литовского, он предложил выделить в составе Республики также Великое княжество Русское, заодно назначив себя Великим князем... Но ляхи вновь обвели наивного казака вокруг пальца: король Ян Казимир договор подписал, да польский сейм его не утвердил!

Впрочем, Семён Орлов про коварство ляхов, обманувших гетмана, ничего не знал. Его

ведь и поверстали-то в рейтары сравнительно недавно, всего с полгода тому назад... Вместо прочной вороненой кирасы крестьянину выдали трофейный литовский пансырь-кольчугу, вместо шлема-шишака — легкую мисюрку. Хоть небольшого и не очень резвого мерина Огонька (потому как рыжего отлива его шерстка) честно выделили Семёну! Но всей ратной сбруи — лишь единственный карабин с кремнёвым замком. Ни пары обязательных для рейтара пистолей, ни, что самое обидное, клинка.

Пистоли-то ладно. Московским рейтарам редко приходится встречаться в бою с неподвижными пикинерами, все чаще с легкой татарской или литовской конницей. А ордынцы как налетят, так тучей стрел издали засыпят — из пистоля же наверняка попадешь в ворога только с нескольких шагов. Вот карабин — другое дело, из кавалерийского карабина степняка можно достать прежде, чем тот стрелу на тетиву наложит!

Одно плохо — карабин однозарядный. И пусть замок у него и кремнёвый, куда более удобный и простой, чем колесцовый или фитильный, но одним карабином ведь много не навоюешь... Другое дело — добрый клинок!

Семён не шибко-то и рвался в солдаты. Но молодой мужичок, не успевший обзавестись собственной семьей, подходил на роль рейтара лучше прочих. Благо, что о престарелых родителях есть кому позаботиться — старшие братья

хоть и поставили собственные избы, но живут с отцом и матерью в одном селе. У Ивана так и вовсе собственный сынок зимой родился. Да и Семён ведь предпочел бы прожить тихую и мирную жизнь на родной земле, жениться на милой его сердцу любушке-Настёне, дать жизнь паре сынов да дочкам...

Но сложилось, как сложилось. Орлов не роптал на свою участь, не гневил Бога зряшными обидами — и вместо того, чтобы сокрушаться о злой судьбинушке, старался радоваться пусть даже небольшим мелочам. Старался увидеть хоть что-то хорошее в солдатской жизни! Так вот, с детства обожавший былины о богатырях (особливо же о земляке Илье Муромце), Семён испытал истинно мальчишеский восторг при виде доставшейся ему кольчуги. А теперь вот сподобился купить и палаш, больно смахивающий на настоящий меч.

Рейтарские роты ведь до войны собирали из детей боярских да дворян, а у последних худо-бедно сабелька всегда при себе имелась. Вот и повелели рейтарам брать с собой родовые клинки. Потому-то большинство солдат полка и щеголяют кривыми степняцкими сабельками. Но что та легкая сабелька супротив палаша?! Он весит куда больше — и при случае провалит блок легкого татарского клинка! А кроме того, им вполне можно и колоть прямым выпадом.

Даже нужно!

Семён вновь прервал свою работу и, пружинисто встав с телеги, пару раз от души рубанул по воздуху, пытаясь примериться к оружию, привыкнуть к его весу. Конечно, стоило бы научиться владеть «мечом», да одна беда: гонявший крестьянское пополнение до седьмого пота полковник Фанстробель напирал на обучение искусству верховой езды да владению карабином. Рейтар ведь не просто должен уметь верхом ездить — это черносошенный крестьянин Семён Орлов умел сызмальства (что, кстати, стало одной из причин становления его именно рейтаром). Нет, «черные всадники» должны уметь также держать равнение в конном строю как на марше, так и в атаке или в отступлении, при повороте или во время караколи. Должны уметь соблюдать дистанцию и в точности выполнять в бою все приказы. В том числе и те, что играет трубач. Это не говоря уже о владении карабином, изготовить который к бою (а уж тем более прицелиться из него и попасть!) есть отдельная наука.

Да, полковник без усталости гонял новиков — но вот владение клинком, по мнению барона, в число обязательных навыков рейтаров не входило. А все потому, что дети боярские сызмальства владели саблями, а крестьяне их и вовсе не получили! Но Семён... Для Орлова именно меч был символом настоящего воина, и он купил клинок у черкаса с первого же жалованья. Пусть казак наверняка задрал цену, да и оружие

досталось Семёну не в лучшем качестве. Но поправить палаш, убрать ржавчину, хорошенько наточить... И будет у Семёна настоящий меч на зависть дерущим нос детям боярским! А рубиться его научит тот самый казак, продавший ему палаш. Никола Ёрш — потому как ершистый, задиристый... Не откажет черкас — за оставшиеся от жалованья монеты точно не откажет!

Довольный собственной смекалкой Семён вновь начал орудовать точильным камнем, даже не смотря по сторонам. Да и что смотреть? Летний пейзаж давно знакомый, и за последние седмицы червения ничего не изменилось. Вон виднеются впереди валы Конотопа — малоросской крепости, занятой казаками полковника Гуленицкого, преданного лично Выговскому. А вокруг самого рейтара — лагерь войска, вернее, «полка» князя Трубецкого. Но, конечно, не такого полка, каким командует барон Фанстробель, — лучше уж сказать, что целое войско! Как в старину, когда множество боярских да княжеских дружин составляли Большой полк или полк правой аль левой руки... Ну, как на Куликовом поле.

Всего же вокруг Конотопа возведено три больших осадных лагеря — князей Трубецкого, Куракина да Ромодановского. Царь Алексей Михайлович отправил на изменника Выговского большую рать — вот только нет у старшего его воеводы, князя Трубецкого, больших

осадных пушек. А без них крепости не взять... Князь было бросил стрельцов да казаков на первый штурм — но ничего не добился, зазря только людей потерял. Впрочем, Алексей Никитич напрасно жертвовать солдатами не спешит, и после первой неудачи воевода начал правильную осаду, закрыв осадными лагерями все дороги, ведущие в Конотоп. Да промеж лагерей пустил конные разъезды, чтобы гонцов мятежных черкасов успевали перехватить. Заодно князь успел осадить и захватить несколько крепостей поменьше Конотопа. К одной из них, Борзне, ходили даже рейтары Фанстробеля! Но рейтары князю Ромодановскому, быстро и с малыми потерями взявшему казачий острог, при штурме так и не потребовались...

Вот и выходит, что служит Семён уже больше полугода — а в настоящем деле покуда не был. Но солдат он старательный, неглупый, по-крестьянски трудолюбивый, да и сметливый от природы, чего уж там... У капрала Гаврилова на хорошем счету, опять же. На земле горбатиться не приходится, пропитание за казенный кошт! Да и жалованье вроде немалое, хотя и задерживают. Не столь уж и плоха жизнь солдата!

Заигравший вдруг сигнал тревоги заставил Семёна подскочить на месте и тревожно осмотреться — неужто черкасы Гуленицкого окончательно потеряли голову от безнадёги да голода и пошли на прорыв из Конотопа?! Да нет вроде, ворота крепости закрыты...

— Облачайся в броню, Орлов! Татары крымские на дозоры напали, сам Выговский к Конотопу идет!

Семён с недоверием воззрился вслед Микитке Иванову — пронырливому, вездесущему и всезнающему рейтару, поверстанному в солдаты из одного с ним села. Но вслух ничего не сказал, а принялся хоть и спешно, но без лишней суеты облачаться в броню, лежащую тут же, на обозной телеге...